

101
ПОЭТ
XXI
ВЕКА

Сергей
Фомичёв

...

СТРЕКОЗА
НА ПАЛУБЕ

Сергей Анатольевич Фомичёв
Стрекоза на палубе
Серия «101 поэт XXI века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50388093
Стрекоза на палубе: У Никитских ворот; Москва; 2020
ISBN 978-5-00095-964-0

Аннотация

В книге «Стрекоза на палубе» Сергей Фомичёв уверенной рукой создаёт поэтическое пространство, в котором человеку становится сразу же удивительно интересно и легко. Читатель погружается в его «Я», изучает его мысли, знакомится с его впечатлениями. Здесь и любование природой, и наблюдения за людьми зоркими глазами психолога, и умение тонко, с отменным вкусом иронизировать.

Фомичёв убеждает читателя в неслучайности всякого слова, оборота, приёма. И в этом его сила, возводящая всё выше к вершине поэтического искусства.

Содержание

Путеводные следы	6
«Нам всем чего-то не хватает...»	12
«Где-то бьётся море в Тель-Авиве...»	15
«Течёт река издалека...»	16
«В том саду одинокая птица...»	18
Китай	20
На перекатах	22
«Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий...»	24
Белый снег	27
Баллада «Аэрофлоту»	29
Пастушок	31
Аэропорт	33
«По параболе лечу, по параболе...»	35
«Две лодки застыли во льдах у причала...»	38
Зарисовки из «Тихого Дона»	39
Весна	39
Конец лета	41
Осень	42
Зима	43
Гречанка	44
Разлука	46
«Метутся народы, гудят во все трубы...»	48

Таверна	49
Камень	51
Песнь ссыльного	52
«Последний день, его я ждал...»	54
Пчела	56
Фитнес	57
«Мама, я не могу больше пить...»	59
Молитва	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Фомичёв

Стрекоза на палубе

© Фомичёв С.А., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

Путеводные следы

Стихотворения Сергея Фомичёва, бесспорно, хороши. Это поймёт каждый, кто прочитает хоть одно его четверостишие. Поэт уверенной рукой создаёт поэтическое пространство, в котором человеку становится сразу же удивительно интересно и легко. Читатель погружается в его «Я», изучает его мысли, знакомится с его впечатлениями. И всякий раз сталкивается с некой тайной: как эти строки, эти простые, на первый взгляд, слова становятся удивительно гармоничным целым, в этом целом – своя жизнь, существующая по законам, известным только поэтам.

Но главное в поэзии не только целостность формы. Решающее значение для того, чтобы стихотворения из умелых ремесленных поделок превратились в череду чудес, имеет острота художественного зрения автора. У Фомичёва это качество в наличии. При этом для него не так уж важна оптика, сколько настроение, которое удаётся создавать. Вот вчитайтесь:

*Две лодки застыли во льдах у причала
В морозное утро. И стоит сначала
Дождаться весны: когда лёд истончает,
Когда растворится, то можно отчалить.*

Казалось бы, и картинка, и лексика вполне неприхотливые, но трёхстопный размер, чуть ассиметричный паузник, и обнажённая искренность тона задевает предельно глубоко.

В выборе тем Фомичёв далеко не вегетарианец. Его волнует буквально всё. Например, географически расширенное наблюдение за миром:

*В горле пересохло,
Где б воды глоток?
Покидаю Родину, еду на Восток.
Сердцем в карте выделен
Незнакомый край.
До чего ж загадочен
Солнечный Китай.
Как река огромная,
Пёстрый хоровод
Узкими глазами
Смотрит на восход.
Рисовые зёрнышки и
Зелёный чай,
Всё перемешалось
Как бы невзначай.*

Здесь момент образного краеведения заметен, но помимо этого есть ещё и определённая ирония, даже самоирония. Она направлена в адрес тех, кто восторгается всем, что не Россия. Сделано тонко и с отменным вкусом.

А вот неожиданные попытки проиллюстрировать великий

русский роман:

Зарисовки из «Тихого Дона».

Весна

*Весна идёт, и солнце плавит стужу,
На южных склонах рыжая трава,
Снег мерно тает, превращаясь в лужи,
Ручьи бормочут нудные слова.
К полудню прогревает, как на печке,
Степь в испареньях, в дымной пелене,
Проснулись суслики и, словно человечки,
Стоят солдатами, как на войне.*

И ведь как любопытно получается. Вся та поэзия, что есть в «Тихом Доне», но не всегда видна за масштабными сценами, здесь проступает во всей своей природной красоте. Для Фомичёва природа становится поводом для вдохновения, только если в ней заметны живые черты, когда она очеловечена по сути, и это очеловечивание отражается во взгляде поэта:

*Где-то бьётся море в Тель-Авиве.
Старый город Яффа на пути.
Молока и мёда в изобилье,
Вот бы только мимо не пройти.
Симон-Пётр на крыше молит Бога,
Голодом и жаждою томим,*

*А внизу, у самого порога,
Спорят люди, что пришли за ним.*

В этом описании море абсолютно тождественно переживаниям человека, именно потому оно и бьётся. Лучшего глагола здесь не найдёшь! Фомичёв в этом нас убеждает, как вообще в неслучайности всякого слова, оборота, приёма. И в этом его сила, это его возводит в такой ряд, где невозможна критика, а только дружеское аналитическое сопереживание.

Конечно, не только пейзажи занимают творческое воображение Фомичёва. Люди, их фенотипы, стремление проникнуть вглубь характеров, создание радостной энергетики при вхождении в тайные смыслы любого персонажа, вот что доставляет Фомичёву не меньшее удовольствие, чем эстетское и умное любование природой. Вот стихотворение «Гречанка»:

*Сядь, скажи мне что-то на прощанье,
Дай мне руку – высмотреть изгибы,
По Твоей руке читать могли бы
Греческие завещанья.
Ты сегодня выглядишь иначе,
Смуглость кожи, нос чуть-чуть горбинкой,
Дай мне поцелуями на сдачу,
Я их прочитаю без запинки.
В Твоих венах кровь богов Олимпа
И загадочность восточной речи,
Где начала женские, там нимфы*

*Обвивают волосами плечи.
Силуэт Твой тонок и прозрачен
В очертаньях солнечного круга,
И мне кажется, что я захвачен
В Твои сети, и в том нет испуга.
Не смотри так жадно на дорогу.
Я уйду один без проволочек.
Мы в России так же славим Бога,
Приезжай хотя бы на денёчек.*

В нём всё продумано до мельчайших деталей. Начинается оно сразу с обращения. Причём ясно, что на это обращение никто не отреагирует. Такая форма – лишь возможность сразу определить отношение говорящего к героине. Оно одновременно и трепетное, и страстное. Но все чувства выражены деликатно и сдержанно. Прочитывается и лёгкий парадокс из Есенина: «поцелуям учимся без денег», но он вовсе не отправляет Фомичёва на путь эпигона, а создаёт культурологическую плотность. Поэт не ставит своей целью описать внешность подробно и цветисто. Но ему удаётся выделить из облика гречанки те черты, представляя которые легко домысливаешь всё остальное. Уметь создать верный намёк – признак большого поэтического мастерства.

Каждое стихотворение Фомичёва интересно литературоведчески препарировать. Хотя он и не навязывает свои методы, свои творческие принципы, весь устремлённый в поэзию и только о поэзии пекущийся, следы его творческого почерка

видны в этой книге. И они путеводные. Идя по ним, быстро встретишь не только мощного и харизматичного стихотворца, но обретёшь веру в то, что совершенство возможно.

Максим Замшев,

Главный редактор «Литературной газеты»,

*Первый заместитель председателя МГО Союза писателей
России,*

*Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского
общества и правам человека,*

Президент Академии поэзии

«Нам всем чего-то не хватает...»

Нам всем чего-то не хватает,
И жизнь незримо убывает,
По ниточке с небес скользя,
И хочется, да вот нельзя
Всё получить, чего желаем, –
Рисунок этот узнаваем.
Ребёнку мамы не хватает,
Он всё на свете забывает,
Когда прильнёт к её груди –
Неважно, что там впереди.

У девушки сплошные цацки,
Ей просто не хватает ласки,
В её мечтах есть верный друг,
Ей не хватает нежных рук.
А кто-то тяготится дружбой,
Скорей всего, она не нужна,
Поскольку дружит номинально,
Как швед со шлюхой привокзальной.
Кто одиночеством страдает
И, как убить его, не знает,
Пьёт горькую рубля на три,
А вся проблема там внутри.

Кто просто одурел от славы,
Ему нельзя уже быть слабым,
А кто-то чахнет на скамейке,
Считая бранные копейки.
Нам всем чего-то не хватает.
Когда в солдаты забирают,
Мы жаждем тихих, мирных дней,
То тьма вокруг и нет огней.
Нам не хватает даже сил
Добраться до родных могил.
Старушке Бога не хватает,
Идёт, ногами заплетает,
А рядом носится юнец,
Выпрашивая леденец.

Мой друг сказал, что ему жалко,
Что нерест в мае, нет рыбалки,
Что в атмосфере в воскресенье
Нет постоянного давленья.
Что на дороге много камер
И светофор на красном замер,
Что сплошь раскосые всё лица,
Как шар, наполнили столицу.

Нам не хватает настроенья,
Периферийного мышленья,
Чутья, вниманья, красоты,
Любви друг к другу, доброты.
Нам не хватает донкихотства,

Нам не хватает благородства,
Нам не хватает просто время
Встать пред иконой на колени.
Нам всем чего-то не хватает,
И жизнь незримо убывает...

22 мая 2019 г.

«Где-то бьётся море в Тель-Авиве...»

Где-то бьётся море в Тель-Авиве.
Старый город Яффа на пути.
Молока и мёда в изобилие,
Вот бы только мимо не пройти.

Симон-Пётр на крыше молит Бога,
Голодом и жаждою томим,
А внизу, у самого порога,
Спорят люди, что пришли за ним.

Старый порт – ровесник Соломона –
Волнами изгрызан неспроста,
С этих мест от гнева божьего Иона
Убегал во чрево грозного кита.

Я брожу, вдыхая пыль столетий,
Узнавая прошлого черты.
Этих дней неведомый свидетель
И участник вечной суеты.

Январь 2014 г.

«Течёт река издалека...»

Течёт река издалека,
И широка, и глубока,
И не поднимется рука
Доплыть до дальнего буйка.
Её течение – наводнение,
Веков прошедших отражение
Приводит медленно в движение
Уснувшее воображение.
Зачем течёшь? Куда идёшь?
Теперь уже не разберёшь,
Кого-то любишь и зовёшь,
А может, ждёшь.
Какие были корабли,
Что плыли из другой земли,
А лица бледные в пыли гребли,
Настойчиво гребли.
У берега, поднявши нос,
Седой, белёсый альбатрос
Смотрел настойчиво, где плёс,
Как смотрит пёс.
Ругались дружно бурлаки,
Сжимая пальцы в кулаки,
А рядом в сёдлах казаки –
Как маяки.

Движеньем город был объят,
Горел и огненный закат,
Метался в лицах азиат.

2000 г.

«В том саду одинокая птица...»

В том саду одинокая птица
Надрывается в тишине.
То ли радуется, то ли злится,
Изнутри рая сердце мне.

В том саду как-то всё иначе,
Полыхает сиреневый цвет.
В том саду обветшавшая дача,
И хозяина будто нет.

Смотрит ель в голубое небо,
А по небу плывёт самолёт.
В те края, где я ещё не был
И уж точно никто не ждёт.

А на юге, за полем изрытым,
Золотятся в листве купола.
Там священник читает молитвы –
Седовласая голова.

И всё так же меняются лица,
Появляясь случайно извне.
Но лишь та одинокая птица
Растревожила душу мне.

1998 z.

Китай

В горле пересохло,
Где б воды глоток?
Покидаю Родину, еду на Восток.

Сердцем в карте выделен
Незнакомый край.
До чего ж загадочен
Солнечный Китай.

Как река огромная,
Пёстрый хоровод
Узкими глазами
Смотрит на восход.

Рисовые зёрнышки и
Зелёный чай,
Всё перемешалось
Как бы невзначай.

И пустыни мёртвые
В кремовой дали,
Кружатся у берега
Стаей корабли.

Там в горах средь пения,
Взорами окинь,
Как потоки вечности –
Древний Шаолинь.
И хранит таинственный
Той страны закон,
На стенах заброшенных
Чудище-дракон.
В горле пересохло,
Где б воды глоток?
Я покинул Родину,
Еду на Восток.

Пекин, 12 июня 2005 г.

На перекатах

То восходы, то закаты,
Потемневшая вода.
Мы плывём по перекатам,
Уплывая навсегда.

Берега круты и колки,
Лес качает облака,
За спиной висят двустволки,
Рана в сердце глубока.

Не вернуться в ту же воду,
Дров наломано сполна.
Любоваться на природу –
Лишь бы только не война.

Что ж вы, милые ребята,
Друг у друга пьёте кровь,
Нас несёт по перекатам,
Где же жертва и любовь?

Отчего же маму с папой
Вы не любите как встарь,
И всё те же перекааты,
И луны ночной фонарь.

Вы ж когда-то были малы,
Очень милы с юных лет.
Что ж, скажите, с вами стало?
В чём причина ваших бед?

Только слышно «аты-баты»
Шумом стройным сквозь года,
Мы плывём по перекатам,
Уплывая навсегда.

28 декабря 2018 г.

«Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий...»

М.Ю. Лермонтову (1814–1841)

Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий.
Глаза задумчивы, отверсты, одиноки.
В усах отвага и широкий лоб –
Присутствие ума, в том нет сомнений.
Бюст Лермонтова – одинокий гений.
В конце – дуэль и сиротливый гроб.

Вот весь удел певца на ниве торной.
Он был огонь, что с неба, непокорный,
С особой дерзостью в груди таился нрав.
Пред всеми не расшаркивался льстиво,
В бою с чеченами сражался терпеливо,
Достоинство и честь не потеряв.

Ну что ж, всё по порядку – сердце просит.
В Шотландии далёкой ветры носят
Средневековый запах скисших лет,
Когда Томас Лермонт творил знаменья,
Хватаясь за мистическое тленье,
Угрюмый предок и к тому ж поэт.

В Россию корни проросли пророка,
В России всё под спудом спит до срока.
Вдоль Мойки Пушкин катит на дуэль.
Жена его слепа, царь смотрит в окна –
Заиндевели от мороза стёкла,
Там в хлопьях тьма и страшная метель.

Погиб поэт, кто ж смерть его рассудит?
Мужик в деревне прост и не осудит
Ни высший свет, ни происки врагов.
Кто поумней – кидались в осужденья,
Прочитывая вслух стихотворенья,
Защекотавшие устои берегов.

Кавказ вдали – немые цепи гор,
Свободный воздух и души простор.
Полёт орла высок и незаметен.
Он смотрит вниз без посторонних глаз,
Вершины гор сияют, как алмаз,
Не замечая ход седых столетий.

Здесь пахнет вечностью, пронизан небосвод
Лучами солнца, вниз потоки вод
Летят вдоль скал, стоящих у стремнины.
Внизу туман, чуть дальше вьётся дым,
Разбросаны дома, где мчится к ним
Седой чечен, в тени наполовину.

Мартынов только повод, тяжкий сон,

Когда душа скорбит, со всех сторон
Её злой дух и мучит, и тревожит.
Когда становится язвительным язык,
И дни мучительно бегут на черновик,
И мысль одна другую не стреножит.

Убит спокойно, и не на войне,
Где много раз на боевом коне
Бросался на редуты грозной тучей.
Где шла резня, стреляли тут и там,
Стонали люди, воздух по полям,
А он казался сильным и могучим.

Теперь тщедушный, в тоненьком гробу,
Как фаталист, что испытал судьбу, –
Умолк и, выйдя тихо на дорогу,
О чём просил за год пред этим днём,
Всё получил, как некий ход конём.
Бог терпелив, нет тайн для Бога.

31 января 2016 г.

Белый снег

Белый снег. Почему ты белый?
Сколько можно лежать под окном?
Гомонят воробьи оголтело,
Наполняя веселием дом.

Вдруг запахнет соломой, смолою,
Терпким дымом садовых костров.
И качнёт луна головою
Из каких-то дальних миров.

И пойдёт, пронесётся повсюду,
По оврагам и по полям,
Что закончились пересуды,
Что объявлен запрет белым дням.

И водой захлебнётся округа,
Застучит монотонно капель.
И притянется кто-то друг к другу,
И начнётся у них канитель.

Про любовь будут длинные песни,
И неважно, что в доме вверх дном.
Белый снег – надоел ты, хоть тресни,
Сколько можно лежать под окном?!

16 февраля 2012 г.

Баллада «Аэрофлоту»

«Отдать концы!» кричат, когда уходят в море.
«Задраить люки!» – в толщу океана.
Ну а когда, чтоб реять на просторе,
«Счастливого пути!» желают рьяно.

«Аэрофлот» – как твёрдая валюта
Во всех концах земли большого шара.
И если вдруг захочется кому-то
Взлететь на время – для него есть пара.

Летать отраднее, когда с тобой подруга, –
Есть перед кем свой страх топить в стакане.
И даже если турбулентность или выюга –
Всё нипочём в воздушном океане.

Дункан с Есениным мотались к Кёнигсбергу,
А Маяковский хвастался рекламой.
Был «Добролёт», но он давно повергнут
«Аэрофлотом» – этой стройной дамой.

Всё как обычно: каждый день в полёте.
Прошиты крыльями седые магистрали.
И что за мысли будоражат ум пилотов,
Когда они всерьёз глотают дали.

Мы все мечтаем стать однажды птицей,
Стряхнуть усталость от седьмого пота,
Взять дорогих – и в небо устремиться
В надёжных лайнерах «Аэрофлота».

2 февраля 2016 г.

Пастушок

У пастушка одна забота:
Чтобы коровы не сбежали
И чтоб потом, придя с работы,
Они ещё и молоко давали.

В руках ни дудки, ни свирели,
Большущий кнут – гроза телячья.
А что же вы ещё хотели?
Он маленький – вот незадача.

Под кепкой чуб, рубаха сшита
На вырост, но, видать, так надо.
Шагает просто, деловито,
Как страж, осматривая стадо.

За ним собачка, с полуслова
Спешит, хвостом виляя смело,
И если надо, то готова
Идти с ним на любое дело.

Задор его не оставляет,
Он знает нужные словечки
И про себя в уме считает,
Когда идти пить воду в речке.

Его взял дед с собой на пару,
Пасти коров – обычай древний,
Он времени не тратит даром,
Растёт и учится в деревне.

9 февраля 2019 г.

Аэропорт

Где самолётов вьётся стая,
В небесный омут улетаю,
Где пассажиров пёстрый рой
И голоса наперебой,
Где на экране вереницей
Мелькают цифры и столицы,
Где все бывают как-то пьяны
И оживают чемоданы,
Плывут по лентам, словно рыбы,
Кто в Воркуту, кто на Карибы,
В мельканье блузок, брюк и шорт
Кипит, пытит аэропорт.
А мы с приятелем на пару
Пьём горькую у стойки бара,
И ни от страха, ни от боли,
А просто так, по доброй воле
Усугубляем, точно впрок,
И мир лежит у наших ног.
Как муравейник – жизнь лихая,
Аэропорт не отпускает.
Кого-то любят и встречают,
А нас никто не замечает.
Красиво объявляют рейсы,
Плывёт еврей в курчавых пейзах,

За ним семейство – мал мала.
И долгожданна и мила –
Плывёт раскрашенная дива
Периферийного разлива.
Проходит женщина с плюмажем,
Мелькают члены экипажей,
Вдоль магазинов и витрин
Вальяжно бродит армянин.
Мы разошлись, казалось – мало,
Нам третьего не доставало.
Мы про своих не забываем,
Надёжно время коротаем.
Как стадион, где вечный спорт,
Шумит, пытит аэропорт.

26 июня 2017 г.

«По параболе лечу, по параболе...»

А.А. Вознесенскому (1933–2010)

По параболе лечу, по параболе,
Шлю столицам привет деревенский,
Вот и выпало петь нам в эфире,
Дорогой мой Андрей Вознесенский.

Уберём траекторию и манерность,
Ваших слов бриллианты – по ветру вей.
Ярким пламенем в зрачках разгорается верность,
Одуревши поёт переделкинский соловей.

Вы в пути уже долгом и длинном,
«Обилечены», чтоб сесть в пятом ряду.
Мир закручивается в паутину,
И идёт за редутом редут.

Гойя, Мэрилин – старушка история
Разворачивает свой широченный зад,
Вы не лезли в дороги проторенные –
Шли своей, по жнивью, наугад.

Обезумевший век – много паники,
Схватка мертвенных сил в пустоте.

Очервонились, вспухли лобазники,
Были мальчиками – стали не те.

Женщин бьют, с ними пьют одинаково.
Они тоже готовы на раз
От бессилия в морду по-всякому,
Острой туфелькой промеж глаз.

Отзывались в Вас всякие странности,
Видеомы как антимиры.
Это детские, милые шалости,
Чтоб не братья за топоры.

Ваш пиджак замусолен, поношенный,
Как заплатка в прорехах систем,
Вы болтались в стране словно брошенный,
Проливаясь строками поэм.

Это кризис, почти деградация,
Только шёпот – язык пересох.
Как винила ночная вибрация
С петухами до четырёх.

Зоя, Оза – навеки помолвлены,
Током бьющие провода.
Мы истрёпаны, но не сломлены,
Мы повязаны навсегда.

Что ж, парите в немом пространстве,

На просторах московских и венских,
Вас не выкинешь из истории: Вы – данность,
Дорогой мой Андрей Вознесенский.

1 сентября 2015 г.

«Две лодки застыли во льдах у причала...»

Две лодки застыли во льдах у причала
В морозное утро. И стоит сначала
Дождаться весны: когда лёд истончает,
Когда растворится, то можно отчалить.

Терпенье, терпенье, ещё раз терпенье,
Ты ждёшь теплоты – и нету везенья,
В последние дни, в эту зиму проклятую,
Две лодки зажаты и снегом помятые.

Но воздух кристален и чист до мурашек,
И слышно чуть робкое пение пташек,
И вечное солнце пылающим взором
Наводит на стены кривые узоры.

Две лодки застыли во льдах у причала,
Всё было уже, но начнётся сначала...

14 марта 2019 г.

Зарисовки из «Тихого Дона»

Весна

Весна идёт, и солнце плавит стужу,
На южных склонах рыжая трава,
Снег мерно тает, превращаясь в лужи,
Ручьи бормочут нудные слова.

К полудню прогревает, как на печке,
Степь в испареньях, в дымной пелене,
Проснулись суслики и, словно человечки,
Стоят солдатами, как на войне.

Вдруг обнажилась зябь, ростки медвянки
Зазеленели на суглинках, у камней,
И на дороге, словно две обманки,
Остался след изношенных саней.

Грачи закаркали – спешат на гумна,
Где озимь в талых водах до колен,
И в ближних балках стало слишком шумно,
И в дальних логах слышен говор вен.

Синеет снег, налитанный водою,

Как будто в воздухе разлит елей,
И солнце перевёрнутой звездой
Ласкает нежно зелень тополей.

1 февраля 2019 г.

Конец лета

К концу лета на солнышке зреет ковыль,
Степь бескрайняя, степь серебрится.
И белеет курган – немой богатырь,
В нём казачья слава хранится.

Ночи тлеют короткой и тонкой свечой,
Млечный шлях в темноте затерялся,
Там казачье солнышко – месяц живой
Словно в звёздные сети попался.

В мглистом куреве днём зной окутал места,
В горьких травах полыни виденья,
Только коршун плывёт, кренясь вбок неспроста,
И неспешно скользит тёмной тенью.

На губах лошадей пот солёный и тишь,
Как прожить до скончания лета,
Степь родимая, милая, что ж ты молчишь?
А вокруг тишина – нет ответа.

8 февраля 2019 г.

Осень

Осень скинула шаль разноцветную
В тихий лес, в русло старой реки.
Пахнет прелой корой, и заветную
Песнь затягивают казаки.

Куст шиповника старый, горбатый
Пламенеет на весь белый свет.
Жизнь, ну в чём же она виновата?
Молодым был, теперь уж нет.

Ежевичник густой и хваткий
Всё опутал, как тихий паук,
В тишине только слышен ватный
Дятла мерный и точный стук.

И в траве помертвелой и бледной
Жухлый лист тополей и берёз,
Паутина, как щит заповедный,
Серебрит мириадами слёз.

8 февраля 2019 г.

Зима

В зимний вечер над скатом Обдонской горы,
Над хребтиной крутого спуска,
Кружат знобкие ветры до поздней поры,
Пока месяц не станет узким.

Несут белое крошево, белую масть,
Из низин на бугры, запыхавшись,
В кладовой много снега, и можно украсть
Серебра у зимы, не попавшись.

И пока ещё в хатах хозяйки не спят,
В бледных сумерках синей громадой
Вдруг нависнет над Доном снежный снаряд,
Чтоб сорваться потом и падать.

И лавина пойдёт с гулом мягким, глухим,
Полетит на кусты без усилий,
За собою влача к небу рвущийся дым,
Серебристый подол снежной пыли.

5 февраля 2019 г.

Гречанка

Сядь, скажи мне что-то на прощанье,
Дай мне руку – высмотреть изгибы,
По Твоей руке читать могли бы
Греческие завещанья.

Ты сегодня выглядишь иначе,
Смуглость кожи, нос чуть-чуть горбинкой,
Дай мне поцелуями на сдачу,
Я их прочитаю без запинки.

В Твоих венах кровь богов Олимпа
И загадочность восточной речи,
Где начала женские, там нимфы
Обвивают волосами плечи.

Силуэт Твой тонок и прозрачен
В очертаньях солнечного круга,
И мне кажется, что я захвачен
В Твои сети, и в том нет испуга.

Не смотри так жадно на дорогу.
Я уйду один без проволочек.
Мы в России так же славим Бога,
Приезжай хотя бы на денёчек.

22 августа 2015 г.

Разлука

У солнца много сил,
Чтоб жечь напропалую.
Лишь к вечеру идти
На огненный закат.
Дорожкой пламенеть, и
Воздух в поцелуях
От лёгкого вина
Насыщен и богат.

Какие песни петь о
Греческих началах?
Всё потонуло там
Столетия назад.
Теперь другая жизнь,
И всё на тех причалах
Другие племена
Рожают и галдят.

Дорога вьётся вдаль,
Вдоль бухт по серпантину,
Вдоль черепичных крыш,
Что смотрят вверх и вниз.
В долинах вьётся сон,
Плانتации маслины

В серебряных руках
Зажали кипарис.

Твой самолёт ушёл,
Став точкой на экране.
Оставив в сердце грусть
И черноту волос.
Я ж всё Тебя ищу
Среди чужих компаний,
И снова, как тогда,
Дождь не жалеет слёз.

14 августа 2015 г.

«Метутся народы, гудят во все трубы...»

Метутся народы, гудят во все трубы,
Шуршит при дороге ковыль.
Умчаться за грани материи грубой,
Что ветром гонимая пыль.

9 июля 2012 г.

Таверна

Приютилась в придорожной пыли
Утром, как измена или скверна,
Словно про неё уже забыли,
Маленькая, тихая таверна.

И хозяин – грек, провидя много,
Устремляет взгляд на вновь входящих,
Позади тяжёлая дорога,
Водка хрена всё равно не слаще.

В деревянных стульях лак азалий,
Запах тихого уюта и веселья.
Хорошо, что мы сюда упали
По глоточку гнать своё похмелье.

Под обрывом камни, берег моря,
Мается худая собачонка,
Хорошо здесь жить, не зная горя,
На краю земли, что на обломках.

На столе оливковое масло,
На мангале запах и шипенье,
Хоть и кризис, но не так опасно
Слушать вымыслы и греческое пенье.

Там в России ветрено и скверно,
Небо с грустью смотрит на прохожих,
У обрыва тихая таверна,
Ни на что на свете не похожа.

21 августа 2015 г.

Камень

Брошен камень, словно жребий брошен
На моём гостиничном столе.
Волнами отполирован и изношен,
Как напоминанье о Тебе.

Помнишь, незадолго до заката
Мы лежали животами вниз.
Волны спорили и шли толпой куда-то,
Исполняя ветреный каприз.

Мы болтались лодкой на приколе
В лёгкой пене, устремляя взгляд
В мокрый берег; как-то поневоле
Ты достала камень наугад.

Этот камень – родина Ахаи,
В нём изгибы линий повело.
Брошен жребий, и теперь я знаю:
Он хранит в себе Твоё тепло.

20 августа 2015 г.

Песнь ссыльного

Ох, дороженька бескрайняя,
Пьёшь ты ног моих тепло,
Ждёт меня сторонка дальняя,
Сердце снегом замело.

Ясный сокол, птица божия,
Нам с тобой не по пути,
Ждёт меня семья острожная,
От которой не уйти.

Ох, дороженька, запомни
Мою молодость и статью,
Жинка с детками в Коломне
Меня будут поминать.

Оступился по незнанию,
Соловьём хотелось петь,
Не могу без покаяния
Я для Бога умереть.

Задыхаемся и стонем,
Словно в сетке караси,
Звон кандалный тихо тонет
В небесах святой Руси.

Ох, дороженька бескрайняя,
Пьёшь ты ног моих тепло,
Ждёт меня сторонка дальняя,
Сердце снегом замело.

29 января 2019 г.

«Последний день, его я ждал...»

А.С. Пушкину (1799–1837)

Последний день, его я ждал,
Жизнь кончена, прощайте, други,
И смерти призрачный оскал,
Как поцелуй немой подруги,

Мерещится в седом окне,
На Мойке чёрное течение,
И в этой томной белизне
Не написать стихотворений.

Сознание пеленает дни,
Как призраки, плывут картины
Из прошлой жизни, и они
Пьют бред души наполовину.

Мы едем с дядей в Петербург,
Заманчиво пестрят просторы,
В моих глазах восторг, испуг.
И тонут в тряске разговоры.

Мой Пущин, Дельви́г, где ж они?
Лицейских лет бывшие лица,

Благословенные те дни
Вдали от суетной столицы.

Теперь уж, право, всё равно,
Моих обидчиков прощаю,
Долги, что мучили давно,
Царю на память оставляю.

Всё оставляю так, как есть,
Жизнь прожита, прощайте, други,
Как жаль, что не успел прочесть
Ваших сердец, мои подруги.

Зачем так тяжело давит грудь?
В какие сети я назначен?
Хотел, как птица, упорхнуть,
Но видит Бог, нельзя иначе.

3 февраля 2019 г.

Пчела

Пчела над ухом прожужжала,
И стало как-то веселей,
И ветер тонким чистым жалом
Коснулся серебра полей.

Наматывая круг за кругом,
Пчелиный вытирая пот,
Она мне стала близким другом
В весеннем омуте забот.

Снуёт хозяйкой деловито,
Как в пивоварне пивовар,
И в сумочке изящно сшитой
Домой несёт с пыльцой нектар.

Когда не клеится работа,
Лень вяжет томные узлы,
Смотрю на мирные заботы
Неунывающей пчелы.

24 января 2019 г.

Фитнес

Посмотрел я в зеркало немного
И подумал: «Знаешь что, Серёга,
Лучше бы не видеть этих форм,
Час настал невиданных реформ.
Брошу пить, курить и всё такое,
То есть нехорошее, плохое...
Чаще буду в зеркало смотреть,
Чтобы видно было, где худеть».
«С головы начало всяких бед, –
Говорил по-дружески сосед. –
Сядь, обдумай, прежде в путь пускаться,
Стоит ли так сильно напрягаться.
Для чего, ведь ты и так хорош,
Там, в кругу железок, пропадёшь.
Лучше на рыбалку, на природу,
У костра сидеть – смотреть на воду,
Слушать всплески на воде и пенье птиц
И не видеть утомлённых лиц».
Нарциссизм меня сегодня гложет,
И никто мне в этом не поможет,
Есть желанье быть на высоте,
Приобщиться к мощной красоте.
У девчонок как-то всё иначе,
Ходят в зал порядочные клячи,

Милые, откормленные лица,
Поправляют грудь и ягодицы.
Налегают мощно на живот
И мечтают, что он пропадёт.
Есть и те, что ходят ради фарса,
Наряжаясь то лисой, то снежным барсом,
В зеркалах не счесть их завитков,
Охмуряют бедных мужиков.
«Что ж плохого в этом», – скажет дядя
И махнёт разбавленный, не глядя,
Очень нужный протеиновый коктейль,
Чтоб корабль не сел его на мель.
Ну а мне здоровья бы немного,
Повторяю я себе: «Серёга,
Ты держись, как витязь на войне,
Можно жить и с фитнесом вполне».

5 ноября 2016 г.

«Мама, я не могу больше пить...»

Мама, я не могу больше пить,
Опленённый цепями, ворогом,
Опоясанный тёмным ворохом.
Он замыслил меня убить.

В его пасти смертельный яд,
В омутнённых зрачках – печаль.
Его зубы – точёная сталь,
Злостью мысли его горят.

Мама, дай мне живой воды –
Охмеляющий сбросить дым.
Я на тонком мосту, под ним –
Опалённые крылья беды.

В голове моей призрачный звон,
Пляска диких, тревожных огней.
И мне кажется, что сильнее
Мир несётся со всех сторон.

Как же этого зверя убить,
Он в засаде у самого дна,
В моём сердце идёт война,
Мама, я не могу больше пить.

26 февраля 2016 г.

Молитва

В моей убогой келье свет горит,
Лампада теплится пред образом Царицы.
Среди пространств и звёзд Земля летит,
И хочется без усталы молиться.

Так сердце чувствует движенье ветерка,
Оно не мнимой тишиной объято,
И жизнь та, что казалась так горька,
Теперь, в эти минуты, свята.

И я молось за чад и за страну,
За плавающих где-то там далече.
За мирный хлеб, за неба тишину.
За тех, кто ощущает вечность.

Ах, Матерь Божия, не нужно лишних слов.
Глаза блестят слезинками бессонно,
Летит Земля среди других миров,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.